

ЗОЛОТАЯ ЭРА
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДЕТЕКТИВА

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ

СТРАХ

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х95

В оформлении обложки
использована работа *Алексея Дурасова*

Хруцкий, Эдуард Анатольевич.
Х95 Страх / Эдуард Хруцкий. — Москва :
Эксмо, 2024. — 512 с. — (Золотая эра
отечественного детектива).

ISBN 978-5-04-118036-2

В подворотне Леонтьевского переулкa обнаружен труп неизвестного мужчины. Дело обычное: за годы войны многие столичные оперативники ушли на фронт, и криминал почувствовал себя вольготнее. Но этот случай — особый. Приехавшая на место преступления опергруппа подполковника Ивана Данилова обнаружила в кармане убитого... удостоверение работника МУРа. Опытным глазом Данилов определяет, что документ — поддельный. А это значит, что сыщикам предстоит решить еще одну задачу со множеством неизвестных...

В сборник вошли известные повести о сыщике Иване Данилове: «Страх», «Четвертый эшелон», «101-й километр».

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Хруцкий Э.А., 2021

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо»,
2024

ISBN 978-5-04-118036-2

СТРАХ

Повесть

Москва, 1944 год

Саксофонист Гриша Кац

Комендантский час перенесен, поэтому ресторан закрывался в одиннадцать тридцать. Ровно в двадцать три оркестр играл «Пора, пора! Уж утро настает...» и уходил с эстрады. Но Гриша точно знал, что к ним подбежит Борек, человек неопределенного возраста, в очередном шикарном костюме, будет совать деньги и просить сыграть «Осень, прохладное утро...».

Гриша как руководитель оркестра никогда не отказывал, тем более что Борек считался солидным гостем, приходил в ресторан раза четыре в неделю и всегда платил.

То же произошло и в тот вечер, только Борек заказал почему-то «Рио-Риту».

Он сунул Грише кучу скомканных бумажек, и оркестр лихо сбацал довоенный фокстрот.

Ну все. Музыканты собирали инструменты, уходили в подсобку, где в маленькой комнате был накрыт для них ужин. Когда собрались все, даже суровый метр Сахаров зашел, Гриша достал из шкафчика две бутылки водки. Сегодня угощал он. За день до майских праздников его пригласили в военкомат и вручили медаль «За оборону Сталинграда».

Гриша Кац ушел на фронт добровольцем и в сорок втором в Сталинграде получил первое легкое ранение и медаль

«За отвагу» на узкой ленточке. Через восемь месяцев, когда наши части замыкали кольцо, его ранили тяжело.

Однажды в госпиталь приехал генерал Чуйков. Он обходил палаты и награждал раненых. У Гришиной койки он остановился и спросил:

— Ну как дела, солдат?

— Хорошо, товарищ генерал.

— Награды имеешь?

— До госпиталя был легко ранен и награжден медалью «За отвагу», — подсказал госпитальный особист.

— Молодец. А как фамилия?

— Боец Кац.

— Смотрите-ка, — искренне удивился генерал, — Кац. Дай-ка медаль, — повернулся он к адъютанту. Потом наклонился к Грише и прикрепил к его рубашке медаль «За боевые заслуги». — Носи — заслужил, а то, что Кац, — это ничего.

После ранения Гришу комиссовали, он вернулся домой и пошел играть в коммерческий ресторан «Астория».

Кац выходил на эстраду в белом пиджаке, на котором были нашиты полоски за ранения и висели две медали. Пусть эти пирующие неведомо на какие деньги люди знают, что он не в тылу проедался, а Родину защищал. А в прошлом месяце третью медаль ему выдали.

Они выпили быстро, времени в обрез было, и Гриша получил две кастрюльки с едой. Повар честно делил остатки среди всех.

Да и вечер неплохой выдался, народ гулял от души, все время заказывал музыку и посылал деньги в оркестр. Так что сегодняшней навар был вполне приличным.

Жил Гриша, считай, напротив ресторана, в Леонтьевском переулке. Милиционеры, дежурившие на улице Горького, его знали и ночной пропуск не спрашивали.

Так и сегодня. Кац взял свои кастрюльки, перебежал

улицу Горького и в переулке включил фонарик. Ну вот и дом. Гриша свернул под арку, и тут желтый луч нащупал в темноте лежащего лицом вниз человека. Гриша наклонился и увидел торчавший из его спины нож.

Данилов

Он поспал всего-то два часа, может, чуть больше, как зазвонил, забился телефон.

Вялый со сна, он дошел до стола и поднял трубку:

— Ну?

— Ты чего нукаешь? — Голос начальника был свеж и весел. — Машина за тобой пошла, в Леонтьевском труп, весь-ма темный. Так что давай. Поспать-то успел?

— Самую малость.

— По нынешним временам это уже кое-что.

Данилов повесил трубку и начал одеваться.

* * *

В прошлом году за ликвидацию банды «докторов» его премировали орденом на отрез. Они с Наташей несколько раз ходили в распределитель «Стрела», Данилов хотел взять отрез обязательно темно-синий, но таких не было. Наташа уговорила его взять серый.

Вопрос с портным решил Никитин, отправив его к своему знакомцу Соломону Когану, у которого на квартире в прошлом году сидел в засаде.

Коган хорошо сшил костюм.

— На вас работать приятно, — сказал он Данилову, — стандартная, хорошая фигура.

Данилов пристегнул над карманом наградные колодки, чтобы не думали, что он всю войну на продскладе проедался, и начал носить костюм.

* * *

Вот и сегодня, завязывая галстук и одновременно ковыряя вилкой в сковородке с тушенкой, которую быстро разогрела Наташа, Данилов ждал гудка машины.

Он успел одеться и даже поесть, когда внизу квакнул клаксон «эмки». Данилов спустился вниз. Ночь была темная. Машина стояла у подъезда, и мрачный Быков обстукивал сапогом колеса.

— Куда едем? — недовольно спросил он.

— В Леонтьевский.

— А что там?

— Труп там.

— Чей?

— Вот приедем — узнаем. Давай. — Данилов уселся на переднее сиденье.

Город был пустой, поэтому Быков выжал из их старенькой «эмки» все, что мог. Иногда, когда машину подбрасывало на колдобинах, Данилову казалось, что она вот-вот рассыплется. Только у поворота на Леонтьевский Быков сбросил скорость. Въехав в переулок, он квакнул спецсигналом, и невдалеке вспыхнул фонарик. Данилов вылез из машины.

— Где?

— Сюда, Иван Александрович, — сказал Сережа Белов.

Они вошли в арку, и в тусклом свете карманных фонарей Данилов увидел лежащего человека.

— Где эксперты?

— Здесь мы.

Луч фонаря осветил эксперта и медика.

— Какие предположения?

— Убит ударом ножа. — Эксперт развернул белую тряпку, и Данилов увидел длинное тонкое лезвие и наборную ручку из плексигласа.

— Думаю, что нож сразу же достал сердце, — вмешал-

ся медик. — Такой удар мог нанести только человек очень сильный.

— Что нашли?

— Так вот, товарищ подполковник, — сказал за его спиной Никитин, — нашли, ох нашли.

— Ну что ты вздыхаешь, Никитин, показывай.

Они вышли из-под арки, подошли к машине, и Данилов приказал зажечь в кабине свет.

— А маскировка? — проворчал Быков.

— Ты думаешь, что вся немецкая авиация только и ждет, когда старшина Быков светом своим столицу демаскирует.

— Вам видней. — По голосу шофера было ясно, что его Данилов так и не убедил.

Они сели на заднее сиденье, и Никитин начал раскладывать на планшетке найденные при обыске вещи.

— Оружия нет, а три патрона «ТТ» нашли. Платок носовой, сорок тридцаток, начатую пачку «Казбека», счет из ресторана «Астория», билет на электричку в первую зону. Билет обратный, он не выкинул его, потому что мог сегодня использовать.

— Вокзал?

— Белорусский. Первая зона: Фили и Кунцево.

— Дальше.

— А дальше совсем непонятно. — Никитин положил на планшет «мурку» — специальное удостоверение сотрудника МУРа. Данилов взял книжечку. Посмотрел обложку, и на сердце полегчало. Не надо было работать экспертом, чтобы сразу определить, что удостоверение туфтовое.

Данилов раскрыл его. Фото. Мордатый парень в милицмейской форме. Дальше... Капитан милиции Лялин Борис Леонидович состоит на службе в Московском уголовном розыске.

— Реквизиты Борьки Лялина, — сказал Никитин.

— Это которого?

— Ну тот, что по мошенникам работает.

— Кто труп обнаружил?

— Гриша Кац, саксофонист из «Астории».

— Смотри-ка, счет из «Астории», и нашел его ресторанный музыкант.

— Позвать его?

— Подожди.

Данилов вышел из машины и искренне пожалел бедного капитана Лялина, которого теперь затаскают по инстанциям и политотделам, а то и в НКГБ потащат.

Данилов вошел во двор, засветил фонарь:

— Белов, Никитин, с фонарями сюда.

Даже в этой темноте было видно, что двор не проходной. Данилов осмотрел все подъезды, черного хода не было.

— Значит, убитый вышел из одного из четырех подъездов, — сказал Данилов. — Где дворник?

Минут через десять привели заспанного дворника, даже на расстоянии от него шел густой запах перегара.

— Видать, политуру жрал, — засмеялся Никитин, — дух от него, товарищ подполковник, уж больно смрадный.

— Вы дворник?

— Силаев Николай Трофимович, — деликатно закрыв рот ладонью, ответил тот.

— Вот какая у меня к вам просьба. Под аркой убили человека. Он шел из вашего дома. Взгляните, может быть, вы его видели?

— Почему не взглянуть. — Дворник кашлянул, обдав всех густым сивушным духом. — Это мы всегда, ежели надо.

Дворник опасливо подошел к трупу, наклонился:

— Посвети-ка сюда, товарищ милицейский.

Он еще ниже наклонился, казалось, что хочет обнюхать труп.

— Ты, батя, на него не дыши, — засмеялся Никитин, — а то жмурик закусить попросит.

— Закусить... Надумал тоже, — дворник тяжело разогнулся, — угости папиросочкой лимитной.

Никитин протянул ему пачку «Норда».

— Видать, не в больших ты чинах, раз гвоздики куришь, — сделал вывод дворник. — Ну кому говорить-то?

— Мне. — Данилов полез за портсигаром.

— Видел его, покойного, значит, третьего дня. И шел он во второй подъезд. Я у него папироску стрельнул, «Пушку».

— А к кому?

— Этого не знаю, товарищ начальник.

— Ну а к кому, по-вашему, он идти мог?

— А что сказать вам, не знаю даже. В подъезде шесть квартир. По две на каждой площадке. Все квартиры отдельные. Коммуналок нет. Если подумать, что человек этот со свертком шел, а в нем я бутылку точно определил, то, думаю, в гости.

— А одет он как был?

— Да как и сейчас, только кепочка на нем была серая, из коверкота, нарядная кепочка.

— Давайте вместе подумаем: к кому мог убитый идти?

— Ну, к примеру, в восьмой квартире живет Лидия Сергеевна Мартынова. Дама она одинокая. Муж под Москвой в ополчении погиб.

— Она работает?

— В «Кинотеатре повторного фильма».

— Никитин? — Данилов обернулся.

— Здесь я, товарищ подполковник.

— Квартира восемь.

— Понял.

Данилов не заметил, как начало светать. Над городом вставал рассвет. И сразу дворы, дома, улицы стали веселыми и добрыми.

Никитин

«Ничего, сейчас дамочку потревожим. У нее теперь самый сладкий сон. Небось выпили, трахнулись, а после этого спится...»

Никитин даже зажмурился от мыслей этих сладких. Нынче он спал всего часа два на колченогом коротком диване под звон телефонов и шум голосов.

Он повернул рычажок звонка. Тихо. Спит, видно. Повернул еще несколько раз, и опять тишина.

Тогда Никитин с силой рубанул сапогом по двери.

— Кто?.. Кто?..

Женский голос, приглушенный дверью, был еле различим.

— Хрен в пальто, — тихо сказал Никитин, а во весь голос гаркнул: — Милиция, гражданка Мартынова!

— Какая еще милиция?

— Московская краснознаменная рабоче-крестьянская.

— Чего? Чего?

— Уголовный розыск.

Дверь отворилась на ширину цепочки.

Никитин достал удостоверение, осветил его фонарем.

— Вы, наверное, Борин друг? — спросила женщина.

— Именно.

Дверь отворилась, и Никитин вошел в квартиру. Всюду, куда бы его ни заносила служба, чувствовал себя Колька Никитин как у себя дома. Частенько приходилось ему выслушивать выговоры от начальства за его наглое поведение, но он свято считал, что наглость — сестра удачи.

Никитин по-хозяйски прошел по коридору, вошел в комнату, зажег свет. На столе стояли пустая бутылка водки и портвейн «Три семерки», початый до половины, рубиново алел винегрет, кисли остатки селедки со сморщенными ломтиками лука, на большой тарелке одиноко лежал недоеденный кусок сала, на блюде — кусочек ом-

лета из яичного порошка. В комнате тяжело пахло табачным перегаром.

— Вы, гражданочка Мартынова, проветривали бы помещение на ночь.

— Что вам надо?

— Одевайтесь.

— Зачем?

— А затем, что вам нужен труп опознать.

— Какой еще труп? — взвизгнула Мартынова.

— Там узнаете. Одевайтесь, только скоренько.

«А бабенка-то ничего. Даже спросонья, ненакрашенной. Неплохо бандюга здесь устроился, совсем неплохо».

Никитин прошел на кухню. В раковине стояла немытая сковородка, в помойном ведре две банки от американских консервов. Одна была от колбасы, вторая — от свиной тушенки.

«Солидно гуляем. Правда, все пайковое, ничего особенного не было».

— Я готова. — На кухню заглянула Мартынова.

— Ключи не забудьте, а то потом дверь ломать придется.

А народу во дворе прибавилось. Появился следователь прокуратуры Степан Федорович Чернышов. Он стоял рядом с Даниловым в коричневой форме с узенькими серебряными погонами, на которые точно легли четыре звездочки в один ряд.

Данилов

— Вы Мартынова?

— Да.

— У вас вчера был гость?

— Да.

— Кто?

— Его зовут Боря, он из органов.

— Откуда вы это знаете?

— Это он мне сказал, потом я у него пистолет видела.

— Какой?

— Черный.

— Белов.

Сергей подошел.

— Дай свой «ТТ». Такой?

— Вроде бы.

— Посмотрите.

И вновь зажгли фонари. Женщина, страшась, через силу подошла к труп. Данилов откинул брезент.

— Он?

— Да! — закричала, заплакала Мартынова.

— Успокойте ее, — приказал Данилов. — Степан Федорович, а пистолет-то мы не нашли. Патроны были, а пистолет-то...

— Точно, что его забрал убийца. — Чернышов достал пачку папирос «Бокс», закурил.

— Вы же раньше «Дели» курили, — усмехнулся Данилов.

— Так это раньше было. А теперь по талонам или десять пачек «Дели», или двадцать гвоздиков. Вот и выбирай.

— И то верно. Обыск у Мартыновой делать будем?

— Всенепременно, а где музыкант, который труп обнаружил?

— А вон на лавочке сидит.

— Вы с ним не говорили, Иван Александрович?

— Пока нет.

— Поболтайте.

Данилов пошел к лавочке, думая о том, что хорошо, что он опять работает с Чернышовым. Степан Федорович был следователем опытным, да и человеком добрым и смелым, а главное, не боялся начальства.

* * *

Он подошел к лавочке и сел рядом с Кацем. И сразу обратил внимание на две нашивки за ранение и три медали на пиджаке.

— На каком фронте?

— Под Сталинградом.

— Артиллерист?

— Нет, пехота-матушка.

— Я начальник отдела борьбы с бандитизмом Московского уголовного розыска подполковник милиции Данилов. Называйте меня Иваном Александровичем. А как вас величать?

— Григорий Давидович.

— Вот и познакомились. Расскажите, как дело было.

— Шел с работы из ресторана «Астория»...

— В какое время?

— Я у дома на часы посмотрел.

Кац отогнул рукав, и Данилов увидел часы-цилиндр с черным циферблатом и красной секундной стрелочкой. Такие часы в сорок первом ребята из его батальона снимали с убитых немцев.

Но он не брал. Брезговал.

— Немецкие?

— Взводный подарил, когда меня в госпиталь увозили. Так вот, на моих было пять минут первого.

— Вы больше ничего не заметили?

— Нет. Я сразу домой и милицию вызвал.

— Значит, вы работаете в «Астории»?

— Да.

— Вот посмотрите. — Данилов протянул Кацу ресторанный счет.

— Наш.

— А вы этого человека раньше в ресторане видели?

— Точно нет. Возможно, официанты... А впрочем...

- Что «впрочем»?
- Есть один человек.
- Кто?
- Знаю, что его зовут Борек, в нашем кабаке почти каждый день. Он-то наверняка всех видит и помнит.
- Почему?
- Так я думаю.
- Опишите его.
- Всегда хорошо одет, лысый, высокий, денежный.
- Это не приметы.
- Ну худощавый, суетный такой.
- Спасибо, Григорий Давидович, вы идите отдыхайте, а как проснетесь, попрошу к нам на Петровку, пропуск будет заказан. Мы ваши показания на бумаге закрепим.
- Буду. — Кац встал.
- Данилов поднялся в восьмую квартиру.
- В комнате за столом сидел Чернышов и писал протокол обыска. На диване устроились понятые — дворник с женой.
- Нашли что-нибудь? — спросил Иван Александрович.
- Ничего.
- Я так и думал.
- Я тоже. — Чернышов аккуратно закрутил колпачок авторучки. — Как жить-то дальше будем?
- Что Мартынова показала?
- Обычное дело. Познакомились в кинотеатре. Пару раз в цирк сходили, один раз на джаз-оркестр Утесова. Потом он к ней пришел. Работает, сказал, в органах...
- Тоже мне, гинеколог, — зло прокомментировал Данилов.
- Чернышов хохотнул и продолжал:
- Вчера выпили, закусили, легли. Поздно ночью звонок. Голос мужской, низкий. Наш «сыщик» сказал, мол, на работу вызывают, и ушел.
- Где живет, не говорил?
- Нет.

— История обычная, сколько мужиков на войне погибло-то. Застоялись бабы, любого дай. А здесь бугай из органов. Ну я на Петровку, связь держим постоянно.

Данилов и начальник

Секретарь начальника Паша Осетров принес чай и бутерброды с американским шпиком.

Данилов посмотрел на него и в который раз подивился, как ладно, словно на гвардейском поручике, сидит на нем форма.

— Ты ешь, Данилов, — начальник откусил сразу половину бутерброда, — ешь. Не завтракал небось.

— Небось да. С трупом возился.

— Ну что ты скажешь? — Начальник взял в руки туфтовую «мурку», лежащую на столе.

Данилов замотал головой.

— Невразумительно, Ваня. Дело-то хреновое, того и гляди, из госбезопасности приедут.

— Так уж сразу.

— Наш-то политорган уже заколотился. Сажин икру мечет. — Начальник нажал кнопку.

На пороге появился Осетров.

— Капитана Лялина ко мне. Ты его знаешь, Иван?

— Почти нет, он из отдела Муштакова.

— Да. Хороший парень. В МУРе с сорокового. В августе сорок первого ушел добровольцем, попал в диверсионную группу, работал в немецком тылу. Получил два «Красного Знамени» и партизанскую медаль второй степени, а вот видишь, — начальник подошел к сейфу, открыл, вынул коробочку и удостоверение, положил на стол, — прислали ему медаль партизанскую первой степени. Он в разных отрядах задания выполнял, так первую награду ему в одном дали, а в другом — следующую. Так вот суди сам, Ваня, как мне

с этим Лялиным разговаривать. Кстати, твой Муравьев тоже партизанскую медаль получил.

— А он-то за что?

— Помнишь, в сорок втором он в партизанское соединение летал?

— Помню.

— Самолет подбили, он из немецкого тыла выходил.

— Но ведь он не партизан.

— Значит, тесть его подсуетился, как-никак, а он генерал и замнаркома.

— Непонятно.

— А чего непонятного: Муравьевым уже дважды из наркомата интересовались, спрашивали, какая у него перспектива роста.

— Что поделаешь...

Данилов не успел закончить фразу, в дверь заглянул Осетров:

— Капитан Лялин.

— Давай, — махнул рукой начальник.

В комнату вошли двое: замначальника Серебровский и Лялин.

— Товарищ полковник, капитан Лялин по вашему приказанию прибыл.

Начальник встал.

— Вот какое дело, Лялин. Начну с приятного. Указом Президиума Верховного Совета СССР № 116 от 6 января сего года ты награжден медалью «Партизан Отечественной войны» первой степени. Поздравляю.

— Служу Советскому Союзу.

Начальник подошел к Лялину и прикрепил медаль к его кителю.

— А теперь садись, Лялин, поговорим о неприятном.

Лялин сел, настороженно оглядел начальника, Серебровского, Данилова.

— Ты мне скажи, друг мой Лялин, как ты данное явле-